

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-395-413

Научная статья

Понятие и виды фактических общностей в современной теории права

Е.Ю. Цуканова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация,
tsukanova@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы становления и позиционирования категории «фактические общности» в правовой науке. Актуальность данного явления в праве обусловлена необходимостью более широкого подхода к изучению комплекса фактических обстоятельств, являющихся основаниями возникновения, изменения или прекращения правоотношений, что, несомненно, способствует более эффективной реализации целей как правотворческой, так и правоприменительной практики. Цель настоящей статьи заключается в определении предпосылок формирования рассматриваемой правовой категории, выявлении основных видов фактических общностей, а также уяснении их функций. Достижение указанной цели позволит с достаточной определенностью выявить основные характеристики указанной правовой категории, а также определить функциональные связи со смежными правовыми понятиями. Методологическую основу статьи составили современные достижения теории познания. В процессе исследования применялись теоретические, общеправовые (диалектический, анализ, синтез, дедукция, системный метод), а также традиционные правовые методы (формально-логический, нормативно-догматический и иные). В процессе исследования, основываясь на анализе соотношения физических предметов, явлений и их групп между собой, был сформулирован вывод о том, что термин «фактические общности» является логическим продолжением развития теории юридических фактов, отражает взаимосвязанное объединение единичных юридических фактов, а также их функциональное назначение также может отличаться. Первичной фактической общностью следует рассматривать фактический состав. Более крупными по объему и сложными по структуре фактическими общностями являются фактические системы.

Ключевые слова: фактическая общность, юридический факт, фактический состав, фактическая система, фактическое основание правового регулирования

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 13 февраля 2021 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2021 г.

© Цуканова Е.Ю., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Для цитирования:

Цуканова Е.Ю. Понятие и виды фактических общностей в современной теории права // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 2. С. 395—413. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-395-413

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-395-413

Research Article

The concept and types of factual communities in the modern theory of law

Elena Yu. Tsukanova

Belgorod National Research University,
Belgorod, Russian Federation,
tsukanova@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of formation and positioning of the category of “factual communities” in legal science. The relevance of this phenomenon in law is due to the need for a broader approach to the study of a set of factual circumstances that are the grounds for the emergence, change or termination of legal relations, which undoubtedly contributes to a more effective implementation of the goals of both lawmaking and law enforcement practice. The purpose of this article is to determine the prerequisites for the formation of the legal category under consideration, to identify the main types of factual communities, as well as to understand their functions. Achievement of this goal will make it possible with sufficient certainty to identify the main characteristics of the specified legal category, as well as to determine functional links with related legal concepts. The methodological basis of the article was made by modern achievements in the theory of knowledge. In the process of research, theoretical, general philosophical (dialectical, analysis, synthesis, deduction, systemic method), as well as traditional legal methods (formal-logical, normative-dogmatic and others) were used. In the course of the research, based on the analysis of the relationship of physical objects, phenomena and their groups among themselves, it was concluded that the term “factual communities” is a logical continuation of the development of the theory of legal facts, reflects the interconnected association of individual legal facts, as well as their actual composition. Such associations can have a different scope, as a result of which their functionality may also differ. The primary factual commonality is the actual composition. Factual systems are larger in volume and more complex in structure.

Key words: factual community, legal fact, factual composition, factual system, factual basis of legal regulation

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Article received 13rd February 2021

Article accepted 15th April 2021

For citation:

Tsukanova, E.Yu. (2021) The concept and types of factual communities in the modern theory of law. *RUDN Journal of Law*. 25 (2), 395—413. (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-395-413

Введение

Круг вопросов, которые обсуждаются в рамках развития теории юридических фактов, на протяжении уже многих десятилетий остается практически

неизменным. Исследования в этой сфере в настоящее время включают анализ таких вопросов как: понятие и функции юридических фактов; фактические составы (виды и порядок формирования); юридические факты в правореализационном процессе (их фиксация, регистрация, установление и доказывание); дефектность юридических фактов; особые юридические факты (состояния, фикции, презумпции) и некоторые другие. Говоря об элементах, составляющих содержание этого учения, особо следует отметить вопрос о классификации юридических фактов. Ее осуществление является наиболее значимым моментом в становлении любой теории (Dvoreckaya, 2007:96—97) и позволяет выявить взаимосвязи, необходимые для обособления отдельных элементов в едином качестве. Вследствие сказанного, обобщение и систематизация юридических фактов проводилась практически с самых ранних исследований, затрагивающих проблематику юридических фактов.

Вместе с тем вопросам системного упорядочения юридических фактов уделяется явно недостаточное внимание. Одним из первых ученых, который, вследствие наличия устойчивых связей между юридическими фактами и фактическими составами в системе права, предложил рассматривать такие общности как большие фактические системы, является В.Б. Исаков (Isakov, 1980:25—27). Их изучение открывает новые возможности в дальнейшей разработке теории юридических фактов и способно помочь в выявлении новых данных, которые можно будет использовать в совершенствовании системы правового регулирования в целом.

Значение данной идеи было высоко оценено отдельными авторами, в частности, А.А. Шафалович (Shafalovich, 2016:28—29), которая с этим связывает начало третьего этапа развития теории юридических фактов. При этом первый этап охватывает период с момента появления самой категории «юридический факт» и до развития теории в советский период. Второй этап связывается с началом детального изучения природы и значения юридических фактов в трудах О.С. Красавчикова.

Несмотря на то, что с момента первоначального формирования понятия о «больших фактических системах» прошло уже практически сорок лет, должной научной разработки оно не получило. В учебных и исследовательских работах встречаются лишь отдельные упоминания о таких комплексах. Между тем развитие науки в последние десятилетия характеризуется повышением значимости системного подхода к изучению различных сфер. Особо стоит отметить, что использование системных идей в качестве методологической основы проведения исследований имеет место не только в естественных (физических, химических, биологических), но и в социально-гуманитарных науках. Таким образом, представление о юридических фактах как о взаимосвязанной цепи явлений и процессов и, в конечном итоге, как о цельной фактической системе позволит увидеть новые грани данного учения.

К настоящему моменту уже накоплен достаточный теоретический и эмпирический материал, на основе которого можно продолжить разработку данной проблематики. Смена социально-экономической формации в нашем государстве только придает дополнительную актуальность обозначенной теме.

Формирование представлений о фактических общностях в отечественной правовой науке

Формирование понятия «фактические общности» является логическим продолжением развития теории юридических фактов. Оно отражает взаимосвязанное объединение единичных юридических фактов, а также и их фактических составов, являющихся основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Такие объединения могут иметь различный объем, вследствие чего их функциональное назначение также может отличаться.

Первичной фактической общностью следует рассматривать фактический состав, понятие о котором довольно быстро вошло в правовую науку. Состав представляет собой такую совокупность юридических фактов, которая выступает основанием правовых последствий только при наличии в реальной действительности всех фактических обстоятельств его составляющих. Функции фактических составов и единичных юридических фактов практически идентичны.

Фактический состав как совокупность фактов является далеко не предельным по объему объединением юридическим фактов. В правовой плоскости возможно формирование и более крупных фактических общностей, которые, как правило, именуются фактическими системами. Идея о необходимости формирования понятия фактической системы как крупной фактической общности возникла относительно недавно. Однако вплоть до настоящего времени не стала предметом научного изучения. С учетом того, что фактические общности нами рассматриваются как один из существенных элементов теории юридических фактов, необходимо дать краткий анализ истории появления соответствующих правовых понятий.

В правовой науке институционализация категории «юридический факт», положившая начало становлению соответствующего учения, произошла еще в первой половине XIX в. Согласно устоявшейся позиции впервые данный термин в качестве основания возникновения или прекращения правоотношений был обозначен известным представителем исторической школы права Ф.К. Савиньи. В своих трудах, посвященных системе современного римского права, автор на основании обобщений высказываний римских юристов, содержащихся в римских источниках, также осуществил первоначальную классификацию юридических фактов. Формулировка данного понятия оказалась настолько удачной, что буквально в следующие десятилетия прочно заняла свое место в ряду обозначения правовых категорий немецкой юриспруденции.

В дальнейшем немецкая правовая наука пополнила теорию юридических фактов такими понятиями, как сложный юридический факт, деликт, фактический состав, незавершенный состав и некоторыми другими. Общее учение о юридических фактах как основании возникновения правовых последствий сложилось уже в конце XIX в. и представлено в научных работах Г. Дернбурга (Dernburg, 1906:213—225) и Ю. Барона (Baron, 1898:102—172).

Дореволюционная российская правовая мысль основывалась на достижениях немецких юристов и прошла практически тот же путь от институционализации самого понятия «юридического факта» в середине XIX в. до вполне

разработанной для своего времени теории юридического факта в начале XX в. К числу дореволюционных правоведов, трудами которых произошло первоначальное формирование основных положений теории юридических фактов, следует отнести К.Д. Кавелина, К.Н. Анненкова, Ю.С. Гамбарова, Н.М. Коркунова, Ф.В. Тарановского и других. Определенный вклад был внесен Д.Д. Гриммом, Л.И. Петражицким, несмотря на то, что их взгляды существенно отличались от традиционных представлений.

Советская юриспруденция развила многие из положений рассматриваемой теории, существенно расширив ее потенциал. Современное состояние, основанное на традициях советской теории права, можно характеризовать как имеющую тенденцию к умеренному поступательному развитию. Однако это развитие в основном обеспечивается за счет исследований проблем отраслевого преломления общих положений теории юридических фактов. Общетеоретическим ее аспектам уделяется явно недостаточное внимание. Вследствие этого можно говорить о наличии определенного «застоя» в исследовании фундаментальных вопросов фактической обоснованности правового регулирования. Одним из наиболее перспективных направлений в этом видится анализ системных связей отдельных юридических фактов и фактических составов, с целью их представления в виде фактических общности.

Идея системного представления отдельных юридических фактов и образующих за их счет фактических составов для отечественной теории права абсолютно новой не является. Изначально комплексное изучение отдельных элементов фактического основания правового регулирования осуществлялось применительно к созданию всеобъемлющей классификации юридических фактов. Так, в одной из первых работ советского периода, где было представлено системное изложение теории юридических фактов, стала монография О.С. Иоффе «Правоотношения по советскому гражданскому праву» (1949 г.), обращалось внимание на то, что «изучение юридических фактов в буржуазной цивилистической науке имело своей основной целью создание их стройной классификационной системы, которая, полностью охватывая собою все явления, приобретающие юридическое значение согласно предписанию закона, отражала бы в своих различных рубриках и подразделениях внешние правовые особенности и свойства, присущие различным видам этих явлений» (Ioffe, 1949:116). Значение юридических фактов (в первую очередь, правообразующее), по мнению О.С. Иоффе, может быть выявлено только «в результате исследования общей системы взаимодействия между правом и определяющими его материальными условиями общественной жизни, в создании которых определенную роль играют внешние природные явления и активная деятельность людей» (Ioffe, 1949:119). И это, видимо, является основной идеей ученого, с детальной проработкой которой связывается дальнейшее развитие теории юридических фактов. При этом справедливо отмечается, что подобного рода исследования должны реализовываться в условиях самостоятельного комплексного монографического исследования.

Придание определяющего значения в теории юридических фактов не их системе, а иным аспектам отмечалось также в работах М.М. Агаркова. Им, применительно к системе оснований возникновения гражданско-правовых

обязательств, отмечалось, что даже при полностью проработанной системе всех юридически фактов, «все же задача разработки системы этих оснований не только не была бы разрешена, но не была бы даже надлежащим образом поставлена. Мы получили бы более или менее правильную формально-логическую схему, которая не давала бы никакого ответа на вопрос, какая связь существует между тем или иным основанием возникновения обязательства, — например, между договором и теми целями, ради которых возникают обязательственные отношения по советскому праву» (Agarkov, 1940:85—86).

Представленные идеи, конечно же, не следует рассматривать как начало теории фактических общностей, однако они демонстрируют тенденцию к обобществлению юридических фактов и ее теоретическое и практическое значение. Рассматриваемые в совокупности материальные условия общественной жизни обнаруживают новые и весьма перспективные направления исследований вопросов фактического основания права.

Значимой вехой в процессе развития теории юридических фактов советского периода стало исследование О.А. Красавчикова, опубликованное в 1958 г. (Krasavchikov, 1958) Оно раскрывает следующие вопросы, составляющие основу теории юридических фактов: понятие и классификация юридических фактов, образование и виды юридических составов и анализ характера порождаемых правовых последствий по советскому гражданскому праву.

Несмотря на то, что работа посвящена юридическим фактам в гражданском праве, она приобрела популярность в области общей теории права. Более того, так сложилось, что разработкой общих основ теории юридических фактов фактически занимались именно цивилисты. Указанное исследование О.А. Красавчикова во многом сформировало догматическое понятие юридического факта, которое до сих пор рассматривается как классическое и является методологической основой анализа юридических фактов, в том числе и в отраслевых юридических науках. А.А. Шафалович именно с этой работой связывает начало второго этапа (по сравнению с первым — дореволюционным) развития теории юридических фактов, говоря при этом, что О.А. Красавчиков «первый достиг теоретического, доктринального уровня научного знания о юридических фактах» (Shafalovich, 2016:26—27).

Рассматривая советский период развития учения о юридических фактах, нельзя не отметить существенный вклад В.Б. Исакова, которому удалось консолидировать основные достижения в рамках данного учения и предложить его авторское системное видение. Ученый, при проведении данных исследований, усматривал свою основную задачу в раскрытии места юридических фактов в системе средств правового регулирования с учетом анализа выполняемых ими функций. Отдельное внимание было уделено значению юридических фактов в осуществлении управленческой деятельности социалистического государства.

Значимым достижением исследований В.Б. Исакова (особенно в аспекте исследования фактических общностей) стало введение в научный оборот понятия больших фактических систем. Особенно высоко данный факт оценивает А.А. Шафалович, которая связывает с этим начало очередного (третьего) этапа развития данного учения и видит в этом «прорыв, когда к теории юридических

фактов применили положения кибернетики и даже квантовой физики» (Shafalovich, 2016:27). В целом использование в праве идей системного подхода является следствием расширения использования соответствующего методологического подхода в различных областях научного знания. Естественно, что это наиболее наглядно проявляется в сфере естественных наук, однако метод системного анализа имеет значительный потенциал использования в социально-гуманитарной сфере.

Несмотря на столь высокое значение фактических систем для целей развития теории юридических фактов, вплоть до настоящего времени отсутствует какая-либо основательная научная разработка указанной категории. В научных работах можно встретить лишь эпизодическое упоминание о фактических комплексах и системах. Так, проблемы формирования фактических систем применительно к сфере земельного права отчасти были проанализированы такими исследователями, как: К.Х. Ибрагимов (Ibragimov, 2015:4—5), С.А. Чаркин (Charkin, 2011:48). Взаимосвязи юридических фактов материального и процессуального права, за счет которых образуется фактическая система, исследовались В.А. Белоусовым (Belousov, 2017:31—36). В целом можно говорить о необходимости комплексного и системного подхода к изучению фактических общностей.

Фактические составы как первичные фактические общности

Наступление юридических последствий правовыми нормами зачастую связывается не с одним индивидуальным юридическим фактом, а с целой их группой. Речь в данном случае идет о взаимосвязанной и взаимозависимой совокупности элементов, каждый из которых может рассматриваться в качестве единичного юридического факта. Соответственно этому можно говорить о совокупности фактов, диалектически связанных между собой, и в таком качестве образующих единое основание возникновения правовых последствий. Совокупность такого плана принято именовать фактическим составом. Фактический состав в этом смысле может рассматриваться как первичная общность юридических фактов. Количество элементов, образующих состав, может быть различным. Однако, как справедливо отмечено в научной литературе, указанные элементы должны в своей совокупности составлять определенную систему (Alekseev, 1982:179), элементы которой «связаны в пространстве и во времени, взаимообусловлены» (Isakov, 1984:24).

Категория фактического состава, наряду с юридическим фактом, выступает как фундаментальное понятие механизма правового регулирования общественных отношений. Значение фактических составов в системе государственно-правовых явлений постоянно возрастает. Это обусловлено развитием правовых моделей, выступающих в качестве «пускового механизма» действия права. Усложнение общественных отношений приводит к тому, что законодатель вынужден связывать определенные правовые последствия не с одним индивидуальным юридическим фактом, а с целой группой взаимосвязанных обстоятельств, каждый из которых может иметь значение юридического факта.

Фактические составы являются основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношений, имеющих место в самых различных отраслях российского права. Вместе с тем значение и роль фактических составов в отдельных отраслях может быть различной. Так, В.К. Андрианов высказал справедливое суждение о том, что «юридические факты в уголовном праве имеют выраженную тенденцию к формированию фактических составов, а не к одиночному функционированию». Автор обосновывает это тем, что состав преступления представляет собой фактический состав, отсутствие которого влечет невозможность возникновения уголовной ответственности (Andrianov, 2013:10).

Наиболее обстоятельно в отечественной правовой науке к изучению фактических составов (понятия, содержания, связи между элементами состава и др.) подошел В.Б. Исаков. Данной тематике была посвящена его монография, изданная в 1980 г. (Isakov, 1980). В данном исследовании подчеркивается, что фактический состав выступает не просто как комплекс, а именно как система юридических фактов. К числу признаков, позволяющих рассматривать фактический состав в качестве системы, автор относит: 1) расчлененность состава на элементы; 2) наличие особого способа связи между элементами; 3) способ связи элементов определяет функционирование фактического состава как сложной системы; 4) в качестве системы фактический состав обладает новым интегральным качеством, не присущим его элементам; 5) фактический состав выступает как элемент более широкой системы юридических фактов — в масштабе института, отрасли и всего права в целом (Isakov, 1980:25—27). Системный характер фактического состава подчеркивался и иными учеными. С.С. Алексеев, к примеру, также рассматривал системность в качестве наиболее важной сущностной черты фактического состава. Она предопределяется тем, что «входящие в него жизненные обстоятельства образуют цельную систему» (Alekseev, 1982:179).

Элементами фактического состава могут быть как события, так и действия. Существенное значение в фактическом составе имеют правовые состояния, поскольку правовой результат, порождаемый фактическим составом, как правило, обусловлен появлением действий или событий «на фоне» определенных состояний, которым право придает юридическое значение.

Таким образом, под фактическим составом в настоящее время понимается система юридических фактов, предусмотренных нормами права в качестве основания для наступления правовых последствий (возникновения, изменения, прекращения правоотношения).

В научной литературе, рассматривая элементы фактического состава, дискутируется проблема, на первый взгляд не представляющая большой сложности. Это вопрос о том, все ли элементы фактического состава обладают качеством юридического факта. Правовое последствие является результатом действия всех элементов такого состава, однако они могут появиться (и в большинстве случаев так и происходит) в разное время. Следовательно, пока в реальной действительности не проявится последний из элементов состава, уже имеющиеся в нем факты не могут считаться юридическими. Они пока еще не порождают никаких юридических последствий. Вполне определенно об этом писал О.А. Красавчиков: «До тех пор, пока юридический состав не завершен в своем объеме

и содержания, до тех пор и составляющие его элементы остаются только фактами. Юридическими эти факты становятся только тогда, когда количественные изменения (накопления) в составе окончены и следуют изменения качественные... Отдельный факт не может быть рассматриваем как юридический, так как он является лишь частичкой, стороной общего состава, который в силу своей незавершенности еще не обладает юридическим характером» (Krasavchikov, 1958:62).

К.И. Комиссаров, признавая юридическим фактом только такой, вследствие которого непосредственно возникло соответствующее правовое последствие, в принципе отрицал само понятие фактического состава (Komissarov, 1971:73). С.Ф. Кечекьян не отвергал данную конструкцию и признавал, что основанием возникновения правоотношения может выступать совокупность фактов. Вместе с тем было отмечено, что только последний факт состава порождает правоотношение, вследствие чего только его и следует рассматривать в качестве юридического факта (Kechek'yan, 1958:160—161). Имеются подобного рода суждения и на современном этапе развития теории юридических фактов. Так, А.В. Коструба также пишет о том, что «юридические факты в фактическом составе не имеют самостоятельного правового значения» (Kostruba, 2011:23—24).

С подобным подходом, полагаем, согласиться нельзя. Действительно, фактические обстоятельства, рассматриваемые как единичные юридические факты, в рамках фактического состава появляются не одновременно. Всегда имеется юридический факт, который замыкает цепочку и выступает в качестве обстоятельства, порождающего юридически значимые последствия. Однако придание такому обстоятельству акцентированного внимания может привести к нивелированию правового значения фактического состава в целом. Это, фактически, лишает какого бы то ни было значения (практического уж точно) саму конструкцию фактического состава. Становится непонятной роль предшествующих фактических обстоятельств и их значение для последующих правовых последствий. Теряется из виду связь, которая существует как между отдельными юридическими фактами внутри состава, так и с порождаемым ими правовым результатом. Ценность фактического состава как совокупности юридических фактов состоит в «синтезе определенного количества относительно самостоятельных юридических фактов, которые и составляют основу и содержание фактического состава» (Kostruba, 2011:24).

Лучшей наглядной иллюстрацией наличия подобного рода связей служит приведенный В.А. Беловым пример с русской народной сказкой о Репке. К ее вытягиванию привели старания не одной Мышки, а совместные усилия всех участников данного действия. Причем они были приложены не одновременно, а последовательно накапливались и достигли критической массы только с появлением последнего участника — Мышки (Belov, 2016:41).

Видимо, такой же эффект должен наблюдаться и в результате накопления элементов фактического состава. Возникновение правовых последствий проявляет себя не в силу последнего по времени факта, а вследствие совместного действия всех юридических фактов, объединенных в состав. Только при этом

условии можно говорить о наличии как теоретического, так и практического значения данной правовой категории.

Большинство ученых рассматривают отдельные фактические обстоятельства, образующие взаимосвязанный состав, в качестве самостоятельных юридических фактов. Юридическое значение каждого из элементов состава, как минимум, видится в том, что с его наличием появляется возможность возникновения иных фактов. И так продолжается до тех пор, пока все элементы не будут собраны воедино. И.Б. Новицкий демонстрировал юридическую значимость отдельных фактов внутри фактического состава на примере сделок с отлагательным условием. При условном договоре неполный фактический состав уже имеется до наступления соответствующего условия и данный состав юридически связывает стороны в том плане, что они не могут единолично лишить данный договор юридического значения (Novickii, 1954:49).

Более детально данную мысль развил В.Б. Исаков, который выделил специальные функции юридических фактов и связал их с той ролью, которую единичные юридические факты играют внутри фактического состава. Автор говорит о том, что юридические факты имеют свои функции не только в механизме правового регулирования, но и по отношению к иным фактам внутри фактического состава. Такие функции могут связываться с тем, что юридические факты могут вызывать «промежуточные правовые последствия (например, правообразовательного правомочия, предварительного организационного правоотношения) либо окончательных правовых последствий в целом» (Isakov, 1984:61).

Еще одним подходом в решении анализируемого вопроса является позиция Р.Х. Миннебаева, который предлагает разграничивать собственно юридические факты и юридически значимые факты. Так, например, автор разграничивает указанные понятия и рассматривает в качестве юридических фактов только такие юридически значимые обстоятельства, которые влекут правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Причем сами юридические факты подразделены на три группы, а именно: простые, сложные и комплексные. Под простыми понимаются такие, которые самостоятельно могут явиться основанием возникновения правоотношения. Если правовое последствие может быть вызвано только двумя или более юридически значимыми обстоятельствами (фактическим составом), то они в совокупности образуют сложный юридический факт. При этом автором особо подчеркивается, что каждое из составляющих юридического факта самостоятельным юридическим фактом не является. Комплексные юридические факты включают в себя несколько сложных (Minnebaev, 2020:47).

Вместе с тем Р.Х. Миннебаев на примере такого фактического состава, как состав преступления, исследует вопрос о «статусе» отдельных его элементов, а именно являются ли составляющие самостоятельными фактами или же признаками, свойствами и качествами главного факта в виде деяния. В конечном итоге автор приходит к выводу о том, что все элементы состава преступления, а также их составляющие, в частности:

1) объективная сторона (деяние, последствие, причинная связь, время, место, способ, обстановка);

- 2) субъективная сторона (вина, цель, мотив);
- 3) субъект (возраст, вменяемость и др.);
- 4) объект,

должны рассматриваться в качестве самостоятельных фактов, которые нуждаются в самостоятельном доказывании.

В связи с этим делается вывод о том, что «элементы состава юридического факта — это не признаки, свойства, качества и т. п. юридического факта, а самостоятельные юридически значимые факты» (Minnebaev, 2020:27—30).

Думается, что данный вывод следует поддержать. В том случае, если какое-либо обстоятельство, отражающее свойства или качества объекта (субъекта), имеет в правоприменительной деятельности самостоятельное значение, то оно должно рассматриваться как самостоятельный факт. Совокупность таких обстоятельств может и должна рассматриваться как фактический состав.

Единственное, что вызывает некоторые возражения в подходе Р.Х. Миннебаева, это то, что автор называет данные факты просто как юридически значимые, но не квалифицирует их как юридические факты. С учетом того, что совокупность таких юридически значимых обстоятельств образует, по мнению ученого, сложный юридический факт, то отсюда следует вывод о тождестве таких понятий, как состав юридического факта и фактический (юридический) состав. В этом автор находит поддержку профессора В.А. Толстик, который применительно к порядку накопления элементов фактического состава пишет, что «каждый в отдельности факт, независимо от того, какой он (промежуточный или завершающий), юридическим (способным породить правовые последствия) сам по себе не становится. Таковым можно признать только совокупность фактов (состав), которая и является юридическим фактом (моделью, закрепленной в праве)» (Tolstik, 2013:775).

Вышеизложенное дает основание говорить о том, что каждый из элементов фактического состава имеет правовое значение и не должен рассматриваться как абсолютно индифферентный к возможным правовым последствиям до того момента, пока состав не будет полностью сформирован.

Фактические системы как сложные фактические общности

Как уже было отмечено нами ранее, фактические составы являются далеко не самыми крупными объединениями юридических фактов. В качестве более объемных фактических общностей, как правило, рассматриваются фактические системы, включающие в свое содержание как единичные юридические факты, так и фактические составы. Общность юридических фактов, относящихся к определенной группе общественных отношений, не может не учитывать взаимосвязь и взаимозависимость общественных процессов и явлений. Вследствие этого можно говорить о наличии системных связей не только внутри отдельного фактического состава, порождающего конкретное и определенное правовое последствие.

Фактические системы охватывают достаточно большие группы общественных отношений, в силу чего отражают крупные срезы физической и социальной

реальности. Их исследование позволяет обнаружить новые грани в функционировании юридико-фактической основы правового регулирования. Возможность представления отдельной группы общественных отношений в качестве взаимосвязанного комплекса фактических обстоятельств может быть основана на базе диалектического учения о всеобщей связи предметов и явлений, а также их развитии. Расширение взгляда на отдельные участки физического бытия может способствовать выявлению более сложных взаимосвязей между явлениями и процессами. Это, в свою очередь, способно оказать комплексное воздействие для достижения запланированных изменений с помощью правовых средств.

Наиболее наглядно это проявляется при формировании программ развития отдельного сектора экономики, социальной или иной сферы. Например, для целенаправленного воздействия на развитие судебной системы была принята и реализуется федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы». Данная программа представляет собой комплекс мероприятий, реализация которых направлена на повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров; обеспечение доступности и открытости правосудия; повышение авторитета судебной власти и иные цели, достижение которых приведет к повышению конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе.

Система юридических фактов и фактических составов (фактическая система), объединенных единым предметом правового регулирования, выступает в качестве «рычага» для целенаправленного правового воздействия на общественные отношения с целью достижения определенного предполагаемого и желаемого результата. Правотворческая деятельность немислима без определения ценностных ориентиров, а также способов, средств и сроков достижения обусловленного результата (Azarhin, 2016:84—90; Tolstik, 2010:72—75). Отдельные юридические факты и их составы в этом аспекте могут иметь значение только при условии их представления в виде фактической системы как взаимосвязанного комплекса обстоятельств реальной действительности.

Кроме того, возможно и обратное действие. Системность общественных отношений отчасти обусловлена тем, что является отражением правового воздействия, основанного на системе права. В этом отношении вполне можно согласиться с мнением, согласно которому система правовых норм занимает особое место в общественных социальных системах, поскольку не просто наделена качеством простых организационных систем, но также и элементами органичных системных образований (Alekseev, 1974:13).

Функциональное назначение фактических составов связано с решением правоприменительных задач. Это обусловлено тем, что состав, также как и единичный юридический факт, традиционно рассматривается как основание возникновения правовых последствий. Однако выявление связей между элементами фактической системы, прежде всего, связано с систематизацией как права, так и законодательства.

Перед лицом законодателя всегда должно быть правильно сформированное представление о реально существующей фактической ситуации, требующей регулирования, а также мысленное предвосхищение тех изменений в ней, которых

необходимо добиться с помощью соответствующих правовых норм. Право в этом смысле является средством общественных изменений и поддержания соответствующего уровня правопорядка.

Вследствие этого можно говорить о том, что эффективность нормативной регламентации напрямую зависит от верности выбора тех признаков общественных отношений, которые будут выступать фактическим основанием предписанных правовых последствий. «Нынешний российский законодатель, исходя главным образом из практической целесообразности, наполняет тексты правовых актов нормами самой различной отраслевой принадлежности, ориентируясь в качестве системообразующих факторов на самые различные элементы общественных отношений. В качестве таковых может быть избран, к примеру, определенный вид человеческой деятельности, которая составляет материальное содержание соответствующих отношений либо объект данных отношений, либо их субъект» (Mavrin, 2003:211).

Как уже было отмечено, формирование эффективного законодательства должно осуществляться минимальными средствами. Для этого необходимо достичь определенного уровня системности в изложении нормативного материала. Такого рода системность является следствием целенаправленной правотворческой работы по формированию оптимального уровня абстрактности при должной степени детализации, как фактических предпосылок, так и правовых предписаний. При этом в нормах должны быть отражены и основные идеи, на базе которых выстраивается правовое регулирование определенной сферы общественных отношений (нормы-принципы), объяснены основные понятия, используемые в нормативном акте (дефинитивные нормы). Надлежащим средством создания законодательства, соответствующего указанным требованиям, является кодификация нормативного материала, которая справедливо признается высшей и наиболее ответственной формой систематизации законодательства.

Отрасли права обладают свойством предметного единства, что позволяет устранить фрагментарность и пробельность правового регулирования. Этому также может способствовать правильное определение признаков регулируемых отношений, однородные характеристики которых позволяют сформировать общие нормы для регулирования широкого круга родственных отношений, что становится возможным благодаря высокому уровню нормативных обобщений, который свойственен кодификации.

Совокупность общих норм рассматривается как общая часть. Она включает в себя нормативные предписания, которые имеют значение для всех общественных отношений, составляющих предмет данной отрасли. В общей части фиксируются принципы, присущие данной отрасли, ее предмет и специфика метода регулирования, задачи отрасли. Наличие общей части придает отрасли целостность и единство правового регулирования. Однако выделение общей части свойственно не только в отношении к отрасли, но также и к иным элементам системы права (например, подотраслям и даже отдельным правовым институтам). В этом отношении важно обратить внимание на то, за счет чего становится возможным обеспечивать должный уровень нормативных обобщений и какие элементы правовых норм подвергаются обобщениям.

Эмпирический анализ правовых норм, объединенных в кодифицированные нормативные акты, позволяет утверждать, что отдельные структурные их части группируются как за счет общности фактического основания, так и сходности порождаемых правовых последствий. Формирование отдельных разделов и глав в системе кодифицированного нормативного акта зачастую происходит в силу однородности правового результата действия нормы. Например, глава 59 ГК РФ («Обязательства вследствие причинения вреда») объединяет правовые нормы, которые в качестве правового последствия устанавливают обязанность субъекта возместить тот вред, который был причинен непосредственно им или иным лицом, и за действия которого ответственен обязанный. Этот же принцип положен в основу выделения и главы 14 ГК РФ («Приобретение права собственности»), которая обобщает правовые нормы, различные фактические основания которых приводят к одному и тому же последствию — возникновению у определенного субъекта права собственности на вещь. Вместе с тем следует отметить, что группировка правовых норм внутри указанных глав происходит за счет общности фактического основания.

Процесс формирования нормативных обобщений, следствием которых выступает выделение общей части определенной отрасли права, как правило, осуществляется по несколько иным соображениям. Выделение общих норм, на базе которых формируется общая часть, зачастую становится возможным за счет общности фактических предпосылок. В этом отношении полагаем справедливым мнение З.Д. Ивановой, которая отмечала, что «существуют юридические факты, являющиеся общими, обязательными элементом и для многих фактических составов» (Ivanova, 1980:34—36). Именно такого рода факты в большинстве случаев выступают в качестве фактического основания общих правовых норм.

В этой связи можно обратить внимание на то, что в общей части формируются обобщенные и систематизированные понятия о юридических фактах, которые сами по себе имеют вторичный характер по отношению к реальным фактическим обстоятельствам, их обусловившим. Речь идет о таких юридических фактах, которые характеризуются как производные с точки зрения порядка их формирования. Деление юридических фактов на первичные и производные (вторичные) основывается на теории первичных и производных правоотношениях. Критерием такого разграничения является социально-юридическая природа, как самих правовых отношений, так и соответствующих им юридических фактов.

Такой же принцип положен в основу деления на первичные и производные и юридических фактов. Например, факт недееспособности гражданина в правовом отношении можно рассматривать как вторичный (производный), поскольку он является средством правового обозначения совокупности реально наличествующих обстоятельств, а именно: наличия психического заболевания, вследствие которого гражданин не способен понимать значение своих действий и руководить ими, а также соответствующего судебного решения. Факт недееспособности как бы аккумулирует данные обстоятельства и позволяет оперировать им в качестве правового понятия без излишней детализации. И.А. Фаршатов, один из немногих авторов, специальным образом затронувший в своих работах данный вопрос, отметил, что первичные факты выступают в качестве

предпосылки новых фактов или, как бы увязываясь с ними в единый состав, создают условия возникновения, изменения или прекращения правоотношений (Farshatov, 1998:33). Е.Н. Горюнова, характеризуя соотношение первичных и производных юридических фактов, пишет, что в качестве критериев такого разграничения выступает содержание юридических фактов и их системность. Это заключается в том, что «в правовом регулировании есть такие фактические обстоятельства, которые как бы пирамидальны над первичными юридическими фактами, представляя их обобщенное и систематизированное выражение» (Goryunova, 2002:99). При этом обращает внимание на относительность первичности и производности фактов применительно к отдельным институтам или правовым отраслям. «Диалектика их такова, что первичные могут в определенных условиях стать производными, что особенно очевидно в сложных составах юридических фактов, где образуется сложная взаимообусловленная их связь» (Goryunova, 2002:98).

Цели формирования таких фактов могут быть различными, однако одной из наиболее значимых, по мнению В.В. Яркова, является цель экономии нормотворчества. «Использование производных юридических фактов, — пишет автор, — экономит место в нормативном акте, позволяет более сжато выражать заложенные в нем идеи законодателя, облегчает процесс правотворчества и последующую реализацию права» (Yarkov, 2012:547).

Изложенное позволяет утверждать, что знание об иерархии юридических фактов в фактической системе позволяет формировать общие правовые понятия, которые в свою очередь могут рассматриваться как производные юридические факты.

Таким образом, можно утверждать, что совокупность юридических фактов, рассматриваемая в качестве упорядоченной фактической системы, может служить целям правотворчества, в частности:

- 1) являться основанием формирования общей части структурных элементов системы права (отрасли, подотрасли, института);
- 2) выступать в качестве основания структуризации элементов системы права;
- 3) являться основанием формирования правовых понятий, которые могут квалифицироваться как производные юридические факты.

Однако значение фактических систем сводится не только к правотворческим целям. Правильно сформированное, качественное и непротиворечивое законодательство является одной из составляющих успешной правоприменительной деятельности. Правоприменительная квалификация только тогда может быть верной по существу, когда она в полной мере коррелирует замыслам правотворца. Соответственно этому построение большой фактической системы также служит и целям правоприменения.

Заключение

Основные положения теории юридических фактов к настоящему времени считаются разработанными в своих основах и на протяжении уже достаточно долгого времени остаются практически неизменными. В научной литературе

предложена периодизация, согласно которой в развитии данной теории выделяется три этапа. Первый связан с первоначальным становлением основных категорий и их исследованием в дореволюционной правовой науке, а также в первые десятилетия советского времени. Второй этап связывается с началом детального изучения природы и значения юридических фактов в трудах О.С. Красавчикова. начало третьего этапа было положено введением в научный оборот В.Б. Исаковым понятия больших фактических систем, охватывающих значительный объем взаимосвязанных фактических предпосылок (включая в качестве отдельных элементов как единичные юридические факты, так и целые составы). Вместе с тем данная правовая категория, также, как и родовое понятие — «фактические общности», не получили должного внимания со стороны исследователей в области права.

Формирование понятия «фактические общности» является логическим продолжением развития теории юридических фактов. Оно отражает взаимосвязанное объединение единичных юридических фактов, а также их фактических составов, являющихся основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Такие объединения могут иметь различный объем, вследствие чего их функциональное назначение также может отличаться.

Первичной фактической общностью следует рассматривать фактический состав, понятие о котором довольно быстро вошло в правовую науку. Состав представляет собой такую совокупность юридических фактов, которая выступает основанием правовых последствий только при наличии в реальной действительности всех фактических обстоятельств его составляющих. Функции фактических составов и единичных юридических фактов практически идентичны.

Фактический состав как совокупность фактов является далеко не предельным по объему объединением юридических фактов. В правовой плоскости возможно формирование и более крупных фактических общностей, которые, как правило, именуются фактическими системами. Фактические системы охватывают достаточно большие группы общественных отношений, в силу чего отражают крупные срезы физической и социальной реальности. Их исследование позволяет обнаружить новые грани в функционировании юридико-фактической основы правового регулирования.

References / Список литературы

- Agarkov, M.M. (1940) *Obligation under Soviet civil law*. Moscow, Yurid. izd-vo NKYU SSSR Publ. (in Russian).
Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.
- Alekseev, S.S. (1982) *General theory of law*. Т. II. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с.
- Azarhin, A.V. (2016) Purpose and goal-setting in lawmaking as a criterion for the effectiveness of civil legislation. *Bulletin of the Volzhsky University im. V.N. Tatishcheva*. 2(1), 84—90. (in Russian).

- Азархин А.В.* Цель и целеполагание в правотворчестве как критерий эффективности гражданского законодательства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. № 2. Т. 1. С. 84—90.
- Alekseev, S.S. (1974) Soviet law as a system: methodological principles of research. *The Journal Soviet state and law*. (11), 11—18. (in Russian).
- Алексеев С.С.* Советское право как система: методологические принципы исследования // Советское государство и право. 1974. № 11. С. 11—18.
- Andrianov, V.K. (2013) *Legal facts in criminal law*. Avtoref. Diss. ... kand. Legal of sciences. Moscow. (in Russian).
- Андреанов В.К.* Юридические факты в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.
- Baron, Yu. (1898) *Roman civil law system*. General part. Translated by L. Petrazhitzky. Moscow, Типо-литография Kushnerev i K Publ. (in Russian).
- Барон Ю.* Система римского гражданского права. Общая часть / Пер. Л. Петражицкий. М.: Типо-литография Кушнерев и К, 1898.
- Belov, V.A. (2016) *Civil law*. Т. II. A common part. Book 2. Faculties: textbook for academic undergraduate and graduate programs. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
- Белов В. А.* Гражданское право. Т. II. Общая часть. Книга 2. Факты: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. 497 с.
- Belousov, V.A. (2017) Correlation and interrelation of legal facts of substantive and procedural law. *Bulletin of the Penza State University*. 2 (17), 31—36. (in Russian).
- Белюсов В.А.* Соотношение и взаимосвязь юридических фактов материального и процессуального права // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 2 (17). С. 31—36.
- Charkin, S.A. (2011) Legal facts as grounds for the emergence, change and termination of land legal relations. *Gaps in Russian legislation*. (6), 45—49. (in Russian).
- Чаркин С.А.* Юридические факты как основания возникновения, изменения и прекращения земельных правоотношений // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 45—49.
- Dvoreckaya, A.A. (2007) The problem of independence of the modern theory of legal facts. *Bulletin of the Belarusian State Economic University*. (3), 95—97. (in Russian).
- Дворецкая А.А.* Проблема самостоятельности современной теории юридических фактов // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2007. № 3. С. 95—97.
- Dernburg, G. (1906) *Pandekty*: Translation from German. A common part. Т. 1. Sokolovsky P. (eds.). Moscow, Univ. tip. Publ. (in Russian).
- Дернбург Г.* Пандекты: Перевод с немецкого. Общая часть. Т. 1 / Под ред.: П. Соколовский. М.: Унив. тип., 1906. 481 с.
- Ibragimov, K.H. & Ibragimova, F.K. (2015) A complex of legal facts as a prerequisite and basis for the emergence of modern land legal relations. *Agrarian and Land Law*. 4 (124), 4—11. (in Russian).
- Ибрагимов К.Х., Ибрагимова Ф.К.* Комплекс юридических фактов как предпосылки и основания возникновения современных земельных правоотношений // Аграрное и земельное право. 2015. № 4 (124). С. 4—11.
- Ivanova, Z.D. (1980) Legal facts and the emergence of subjective rights of citizens. *The Journal Soviet state and law*. (2), 31—40. (in Russian).
- Иванова З.Д.* Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 31—40.
- Ioffe, O.S. (1949) *Legal relationship under Soviet civil law*. Leningrad, Leningrad State University Publ. (in Russian).
- Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. 144 с.

- Isakov, V.B. (1980) *Actual composition in the legal regulation mechanism*. Saratov, Saratov State University Publ. (in Russian).
Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1980. 128 с.
- Isakov, V.B. (1984) *Legal facts in Soviet law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 144 с.
- Farshatov, I.A. (1998) Derivative legal relationships. *State and Law*. (3), 28—34. (in Russian).
Фаршатов И.А. Производные правоотношения // Государство и право. 1998. № 3. С. 28—34.
- Goryunova, E.N. (2002) *Dialectics of legal facts in the system of legal norms*. Belgorod, Vezelica Publ. (in Russian).
Горюнова Е.Н. Диалектика юридических фактов в системе правовых норм. Белгород: Везелица, 2002. 299 с.
- Kechek'yan, S.F. (1958) *Legal relations in a socialist society*. Moscow, AN SSSR Publ. (in Russian).
Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
- Komissarov, K.I. (1971) Law enforcement activity of the court in the Soviet civil procedure. *The Journal Soviet state and law*. (3), 71—77. (in Russian).
Комиссаров К.И. Правоприменительная деятельность суда в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 71—77.
- Kostruba, A.V. (2011) Functions of legal facts in the mechanism of legal regulation of property relations. *Notary*. (5), 22—26. (in Russian).
Коструба А.В. Функции юридических фактов в механизме правового регулирования имущественных отношений // Нотариус. 2011. № 5. С. 22—26.
- Krasavchikov, O.A. (1958) *Legal facts in Soviet civil law*. Moscow, State publ. of legal literature. (in Russian).
Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. 184 с.
- Mavrin, S.P. (2003) On the role of the method of legal regulation in the structuring and development of positive law. *Pravovedenie*. (1), 205—216. (in Russian).
Маурин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1. С. 205—216.
- Minnebaev, R.H. (2020) Theoretical problems of optimization of actual compositions. Moscow, YUrlitininform Publ. (in Russian).
Миннебаев Р.Х. Теоретические проблемы оптимизации фактических составов. М.: Юрлитинформ, 2020. 184 с.
- Novickij, I.B. (1954) *Transactions. Limitation of actions*. Moscow, Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. 247 с.
- Shafalovich, A.A. (2016) Stages and forecast of the development of the theory of legal facts. *Pravo.by*. (6), 25—29. (in Russian).
Шафалович А.А. Стадии и прогноз развития теории юридических фактов // Право.by. 2016. № 6. С. 25—29.
- Tolstik, V.A. (2013) The composition of a legal fact as a kind of legal structure. *The Journal Legal technique*. 7 (2), 770—776. (in Russian).
Толстик В.А. Состав юридического факта как разновидность юридической конструкции // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч. 2. С. 770—776.
- Tolstik, V.A. & Azarhin, A.V. (2010) Some theoretical and methodological problems of goal-setting in legislation. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*. 6 (76), 72—75. (in Russian).

Толстик В.А., Азархин А.В. Некоторые теоретико-методологические проблемы целеполагания в законодательстве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 72—75.

Yarkov, V.V. (2012) *Legal facts in the civil process*. Moscow, Infotropik Media Publ. (in Russian).
Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.

Об авторе:

Цуканова Елена Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

ORCID ID: 0000-0003-4072-8218; SPIN-код: 9132-6953

e-mail: tsukanova@bsu.edu.ru

About the author:

Elena Yur'evna Tsukanova — Candidate of Legal Sciences, associate professor the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute, Belgorod National Research University; 85 Pobeda Street, Belgorod, the Belgorod region, 308015, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-4072-8218; SPIN-code: 9132-6953

e-mail: tsukanova@bsu.edu.ru